

*(Не)хорошая
герцогиня Севера*

Анаис Лисай

Анаис Лисай
(Не)хорошая герцогиня Севера

«Автор»

2026

Лисай А.

(Не)хорошая герцогиня Севера / А. Лисай — «Автор», 2026

Я всю жизнь была хорошей девочкой. Никому ничего не скажи, всегда улыбайся и уступай. Тошно, но терпимо... Было терпимо до поры до времени. И куда меня это привело? На эшафот. Нет, конечно, не сразу. Вначале я застучала жениха с лучшей подружкой, потом умерла и попала в мир романа, который обожает эта шаболда (даже после смерти мне терпеть её вкусы). Стала Корнелией Эшблум, местной злодейкой, мешающей королю, с которым была обручена, крутить шашни с местной милой героиней. И никто не дал мне времени, чтобы изменить сюжет этого паршивого романа. Сейчас я на эшафоте, стою со склонённой головой и жду приговора... Свадьба? Это что за поворот? Почему я должна выйти замуж за проклятого герцога и отправиться на проклятый Север? Я протестую... Но меня опять никто не слышит. Пора меняться!

© Лисай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	15
Глава 7	19
Глава 8	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анаис Лисай

(Не)хорошая герцогиня Севера

Глава 1

Ошеломление. Отличное слово, чтобы описать моё состояние. Именно оно охватило меня, когда я распахнула глаза. Я щурилась, яркий свет слепил и причинял боль, а вместе с собой тянул воспоминания о свете ослепляющих фар, несущихся на меня. Несколько раз моргнув, уставилась перед собой и застыла, не веря своим глазам.

– Где я? – прошептала, быстро оглядываясь по сторонам, но от этого сильно закружило голову и затошнило, словно я, правда, попала до этого в аварию. Или нет?.. Воспоминания подводили меня и ускользали, как сон перед самым рассветом.

Я старалась удержать челюсть, которая медленно сползала, пока осознание ситуации туго доходило до меня. Посреди бального зала меня окружала пёстрая толпа в дорогих бальных платьях – парча, шёлк, бархат, драгоценные камни и кружева – великолепие, сводящее с ума, – а напротив стояла ослепительной красоты девушка с вьющимися розовыми волосами, ниспадающими на плечи, в них затаилась драгоценная тиара. Но сильнее меня поразили её ярко-голубые глаза, напоминающие глубокие таинственные озёра. Я была уверена, что их красоту воспевали бы поэты, а особо впечатлительные называли бы их сапфировыми. Тьфу... Что за сравнения лезут в мою больную голову?

Девушка испуганно смотрела на меня и тряслась... явно от страха, впиваясь изящными пальцами в подол лавандового платья с розовыми вставками. Она казалась такой маленькой, такой хрупкой и беззащитной, что я ненароком подалась в её сторону, чтобы утешить – ведь в её ясных глазах стояли слёзы. Я чувствовала, что должна помочь ей, ведь я *всегда* помогала людям. Это желание было сильнее меня, словно продиктовано чей-то волей.

Но меня резко схватили за запястье и потянули в сторону, отгоняя наваждение. Я подняла взгляд и увидела мужчину, около тридцати. Меня поразили его холодный равнодушный взгляд лучистых ярко-голубых, почти бирюзовых, глаз. Выражение его лица так сильно контрастировало с внешностью, что я испытала жгучую обиду. Он был таким солнечным, таким ярким – его медовые волосы небрежно торчали в стороны, словно он недавно проснулся, а изящные губы, правильные черты лица и ямочки на щеках так и кричали, что он добрый и понимающий, но почему-то я была недостойна его хорошего отношения. Он был солнцем, которое скрылось от меня за тучами. Мужчина был облачён в кремовый камзол, вышитый золотыми нитями, и терракотовые брюки и демонстрировал королевскую статью, которая была в каждом жесте, взгляде и даже в том, как он дышал.

Моё запястье, стянутое плотным изумрудным рукавом платья, пронзила острая боль. Я бросила умоляющий взгляд на мужчину и сказала:

– Отпустите меня, – получилось глухо, через боль, и я не узнала собственного голоса. Было в нём что-то другое, чему я не могла дать определения. Он звучал вроде бы знакомо, но был не моим. Как слушаешь запись собственного голоса и поражаешься, что он совсем не похож. – Прошу.

– Корнелия Эшблум, ты ещё можешь просить? После этого?

Мужчина резко дёрнул меня, заставляя посмотреть на розоволосую красавицу. Теперь она прятала лицо за ладонями, а тело сотрясали рыдания. Я нахмурилась, стараясь вспомнить. Но это походило на бред или сон... Конечно! Меня сбила машина, и теперь мне чудится всякое... Но почему же оно кажется таким настоящим?

Мужчина прервал мои размышления и с ещё большим усилием сдавил моё тонкое запястье. Острая волна боли пронзила меня. *Настоящая*. Прожигающая. До искр перед глазами. Я крепко стиснула челюсть и попыталась другой рукой разжать его хватку, но он ещё сильнее стянул её, не позволяя мне даже помыслить о побеге. Чёрт возьми! Куда я попала?

– Корнелия Эшблум, – сказал он с нескрываемым презрением, словно я была самым проклятым человеком в их миленьком кукольном мирке, – ты хотела отравить Серену.

– Отравить? – переспросила я и быстро захлопала глазами, переводя взгляд с мужчины на Серену. Она перестала плакать – её глаза не покраснели, и даже лицо не опухло, мне бы такие таланты, – утёрла слёзы и посмотрела выжидательно, словно точно знала, что сейчас произойдёт.

– Именно! Я долго терпел тебя и твои выходки, потому что союз с графством Эшблум был необходим короне. Но это выше моих сил! Я разрываю помолвку. Ты недостойна моей любви. Ты жалкая и умоляющая, чтобы тебя любили. Как я этого не замечал?

Его слова прозвучали слишком знакомо и достоверно. Моё сердце сжалось, и я схватилась за грудь, понимая, что не могу дышать. Гадкое узнавание поразило меня, а за ним пришло осознание: я уже была в этой ситуации. И мне тогда было так же больно, как и сейчас. Или хуже? Всё же тогда это было в первый раз

Я хватала ртом воздух, не надеясь задышать, а жених Корнелии прошёл к Серене и обнял её. На глаза выступили слёзы, острая боль предательства вновь поразила меня. Я протянула к ним руку, надеясь на помощь, но никто не хотел мне помочь. В ушах стоял гул голосов, сквозь которые прорвалась фраза жениха: «Бросить её в темницу». А дальше я ничего не видела, воспоминания последнего вечера *моей жизни* затащили меня в свой водоворот.

Глава 2

Я села в такси, подтвердила адрес, который любезно уточнил водитель, пристегнулась, заткнула уши наушниками, откинулась на спинку кресла и уставилась в окно, наблюдая, как проносится мимо ночная полупустая Москва. Такие поездки под самую полночь с моим безумным графиком стали привычным делом, но я научилась наслаждаться ими, хоть и сквозь дикую усталость. Я улыбнулась собственным глупым мыслям и бросила взгляд на пакет, наполненный вкусняшками, и ещё шире улыбнулась, вспоминая Димку, с которым должна была разделить их. Мне пришлось участвовать в двухдневной конференции и пожертвовать вечером пятницы и выходным субботы – законным отдыхом офисного сотрудника. Я была спикером на конференции – заменила подругу в самый последний момент, – хотя не хотела. Времени на подготовку доклада было кот наплакал, но Димка настоял, утверждая, что это полезно для моей карьеры, а он просто будет ждать меня дома на утро воскресенья. Ведь конференция плавно перетекала в вечеринку, обещающую закончиться только под утро. Но я, воспользовавшись своей безупречной репутацией, сбежала с неё, чтобы сделать Димке сюрприз, который предвкушала весь день.

Я открыла мессенджер и уставилась на непрочитанные сообщения от Дианы, моей лучшей подруги ещё с началки. Если с Димкой мы познакомились в университете, то с ней были знакомы давным-давно. Мы работали вместе с Дианой, и она должна была участвовать в этой конференции, но в начале недели отказалась, так как сегодня должна была посещать выставку бездомных собак, где волонтерила, поэтому я заменила её. И три дня этой недели показались вечностью, когда я и работала, и писала доклад, потому что Диана не успела его подготовить. Но мне повезло с темой, потому я справилась в столь сжатые сроки...

Я пролистала фотки от Дианы, поражаясь, как она могла находить в своём плотном графике время для столь важного и благородного дела, отправила ей сообщение, наполненное восхищением.

И мгновенно получила ответ.

«Как конфа?»

«Норм. Но не уверена, что моё выступление удалось».

«Не гони. Конечно, я сделала бы лучше, но в чате уже написали, что ты была хороша. Очень хороша. Спасибо, что подменила меня».

«Мы же подруги».

«Кстати, ты прочитала роман?»

«Начала. Но не понимаю, чем тебя зацепила Серена?»

«Блин, Маи. Брось, если не нравится».

«Нет, я хочу понять. Это же твой любимый роман, но Серена меня бесит. Иногда она делает такие странные вещи. В неё влюблён герцог, а она хочет отбить короля у Корнелии».

«Потому что влюблена в него. У них настоящие чувства! Идеальные! А герцог проблемный тип. Его земли прокляты, как и он сам. Да и Серена достойна лучшего».

«Но король уже помолвлен с Корнелией, которая любит его с детства!»

«Их помолвка вынужденная. Из-за денег».

«Но Серена поступает как сучка. Как же Корнелия?»

«Корнелия недостойна короля. Все годы бегала за ним, как хвостик. Ей просто повезло с происхождением. Вот и всё».

«Но её чувства?»

«Плевать. Она просто злодейка, которая нужна, чтобы подчеркнуть идеальность Серены. Ты слишком серьёзно к этому относишься».

«Так себе мотивация. А герцог?»

«Что герцог? Он же проклят. Зачем Серене такая морока?»

«А разве она не должна снять проклятие? Расколдовать герцога Севера и отыскать свой хеппи-энд? Это же было бы интереснее. И по-геройски».

«Вообще нет! Серена должна наказать злодейку Корнелию и стать идеальной королевой, чтобы финал сошёлся».

«А как же милосердие главной героини? Не выглядит ли это двулично? Корнелия ничего не сделала».

«А ты дочитала до отравления?»

«Как раз остановилась на этом».

«Ну вот! Она хотела отравить Серену! Чем не злодейство?»

«Она это на психах сказала, и её потащили на эшафот».

«Но она бы это сделала, будь у неё такая возможность».

«А с ней ещё будут сцены?»

«Читай дальше и узнаешь... А вообще! Иди и веселись на вечеринке, а не обсуждай роман, который бесит».

«Вызывает противоречивые чувства. Но для тебя я хочу его прочитать. И мне интересно. Правда».

«Поверю тебе. Повеселись за меня».

«Обязательно, но дома».

«???»

«Сбежала, чтобы побыть с Димкой. Последние несколько недель были сумасшедшими. А на этой неделе мы даже и не виделись толком: я уходила до того, как он проснётся, а приходила – он уже спал».

На экране высвечивались три точки и надпись «печатает». Я наблюдала, как Ди останавливалась, затем продолжала и так несколько раз. Пока не получила последнее сообщение, после которого она вышла:

«Хорошего вечера».

Я отправила стикер-сердечко в ответ, убрала телефон и вновь уставилась в окно.

Глава 3

Ключ по-домашнему щёлкнул в замке, и я отворила дверь, облегчённо выдыхая.

– Дима, это я, – протянула в коридоре, пока переобувалась и вешала плащ. Но ответом мне была тишина.

Я усмехнулась, оставив сумки. Видимо, Димка так устал за неделю, что завалился спать пораньше. Я бы и сама отправилась напрямик в кровать, но нужно было ещё перекусить и принять душ. Взгляд упал на обувную полку, и я застыла в непонимании. Там стояла пара красных туфель на шпильке такие же, как у Ди. Я схватила туфлю и принялась вертеть её в руках. Лакированная кожа скользила в мокрых и холодных пальцах, а в висках судорожно застучало. Нет. Нет. Хватит, Маша, придумывать. Это глупо... Но как туфли оказались у нас дома? Взгляд упал на помолвочное кольцо, и я ощутила всю тяжесть аккуратного камня – в этот миг он стал неподъёмным, словно был путами, которые тянули меня на дно. Мы помолвлены полгода...

– Дима, – позвала я, а голос предательски задрожал.

Я слотнула и отправилась на кухню. Они могли запереться там и не слышать, что я пришла. Мы учились втроём, хорошо ладили. Они решили просто провести вечер вместе. Ничего страшного... Они же не могли *так* поступить со мной.

Я попыталась отогнать мысли об этом тошнотворном «так» и быстро прошла в кухню. Стол, сервированный на двоих, был завален грязной посудой. Никто не потрудился загрузить посудомойку. На кухне стоял запах томатного соуса, который старательно тушили. Димка ненавидел готовить, а вот Диана, по собственным словам, делала бы это для особенного человека... Взгляд ухватился за огарки свечей в подсвечниках, которые подарила моя мама, и за пустую бутылку, которую я припасла для особого случая... Глупости! Это могло быть просто случайностью. Они решили встретиться, но не сказали. Что за тяга к контролю, Мария? Ты не доверяешь жениху и подруге? Внутренний голос звучал здраво, но тихо. Нет... Всегда есть объяснение. Всегда можно понять. Что за манера думать плохо?

Я покачала головой и глубоко вздохнула, зависнув на кухне. Мне нужно было пройти в гостиную, а затем в спальню, чтобы разобраться окончательно, уничтожить недоразумение, но я не могла. Застыла как дура, боящаяся узнать... Одна мысль, что всё было ложью, причиняла мне боль, а когда я узнаю? Что тогда? Я бросила взгляд на дверь, ведущую в коридор. Может быть, стоит просто уйти? Сбежать? Остановиться в отеле, а завтра всё выяснить? Без обвинений. Просто по-человечески поговорить. Всё же можно понять и простить... Ошибки же случаются? Верно?

Телефон пропищал, нарушая мои размышления. Я машинально достала его и увидела сообщение от Дианы, разорвавшее меня на куски.

Глава 4

«Я беспокоюсь. Ты уже добралась?»

Несколько раз я прочитала сообщение, и с каждым разом гнев, закипающий внутри, набирал обороты. Что она себе вообще позволяет? Если это не сюрприз для меня, то что это такое? Как она могла?.. Мы же подруги с первого класса. Я сжала губы, стараясь сдержать слёзы. Нет, не буду плакать, пока всё не узнаю... Не буду...

Утёрла слёзы и набрала: «Скоро». Ди отправила поцелуйчик и вышла. А может, я просто всё придумала? Почему я, всегда ищущая во всех хорошее – о чём мне постоянно напоминают Ди и Димка, – рисую в красках катастрофу? Почему решила, что моя подруга трахается с моим женихом? Из-за тувель и ужина? Не глупо ли...

Я нервно засмеялась, сделала глубокий вдох и быстро прошла в гостиную, которая отделяла меня от спальни... нашей спальни, которую мы обставили с помощью Дианы. Она с таким рвением выбирала мебель и аксессуары, что могло показаться, она обставляет собственный дом... Мысль, что мы взяли квартиру в ипотеку до оформления брака, ярко вспыхнула в сознании, заставляя сердце учащённо забиться. Главным заёмщиком был Димка, он настоял, хоть я и зарабатывала больше. Моя мама была против... Очень сильно. Мы даже поссорились с ней из-за этого, но я поддалась на уговоры Димки и Дианы, которые в два голоса, но на один манер, попрекали меня недоверием... Неужели? Их план был перед глазами, а я не замечала.

Гостиную я пролетела, не обращая внимания на бардак, царивший там. Но хотя бы не увидела детали женского гардероба, разбросанного в порыве страсти – это уже вселяло слабую искру надежды... Ха! Как смешно...

Наконец-то я подлетела к двери спальни и впилась судорожно в ручку. Всё внутри замерло, заледенело. В этот момент осознание, что жизнь разделится на до и после, полоснула острым клинком, оставляя на сердце рану. Неважно. Даже если это окажется недоразумением – возможно, зря я во всём обвинила Диану, – но нашу дружбу это подорвёт. Она покроется трещинами, которые я с трудом и тщательно буду заполнять, пока не поверю, что всё в порядке... Или нет? Тень сомнения навсегда нависнет над ней, ведь до выяснения обстоятельств я машинально представила худшее, словно мы с Ди были чужими. А Димка?.. О нём не хотелось вообще думать. Он был моей первой настоящей любовью, первым во всём... Что это сделает с нами? Что сделает правда со мной?

Сглотнула и навалилась на ручку. Дверь всегда немного заедала, и именно сейчас это выглядело как спасение, словно судьба предлагала мне ещё раз хорошо подумать, всё взвесить, чтобы не наворотить дел. Последний рубеж перед неминуемой – как драматично – катастрофой.

– Когда ты ей расскажешь? – раздался за дверью звонкий голос Дианы, и я резко ввалилась в спальню. Ждать и думать было бесполезно. Сцена уже началась, и Ди уготовила мне в ней роль.

– Что расскажешь? – процедила я слишком холодно для той, кого предал и жених, и подруга, прошла к кровати и встала напротив них.

Время остановилось, мой вопрос повис в воздухе, пока Димка быстро хлопал глазами, уставившись на меня, Диана прикрывалась одеялом, но я видела её обнажённые плечи. Они сидели в нашей постели и были абсолютно голыми. Их одежда была разбросана на полу в порыве той пресловутой страсти.

– Что расскажешь? – повторила вопрос, стараясь устоять на ватных ногах, которые подкашивались и отказывались меня держать. Люди, на которых я опиралась, которым доверяла, оказались бумажными подпорками. И осознала это слишком поздно. – Дима! – я вскрикнула. – Что ты должен рассказать?

Мой крик пронзил комнату, заставив Диану изобразить испуг: она прильнула к Димке, схватила его за руку и вжалась в него. Он посмотрел на меня тяжёлым взглядом, наполненным обвинениями. Я не выдержала и засмеялась, заставив его смутиться.

– Что смешного? – спросил он, поглаживая руку Дианы. – Тебе смешно?

– А тебе нет? – резко отозвалась я и скрестила руки на груди. Сердце вырывалось, голова кружилась, но я стояла, упрямо выпрямившись, надеясь сохранить лицо и остатки самообладания. – Как это понимать?

– Ты должна была приехать завтра, – проворчал он и отвернулся. Он не выдержал моего прямого и гневного взгляда.

– Хотела сделать сюрприз. Верно, Ди? – Я вперила в неё уничижительным взглядом, но он никак не действовал на неё, словно для подруги я была пустым местом, которое позволило себе что-то выкатать. – Диана!

– Не кричи, Маш. Побеспокоишь соседей. – Её тон был наполнен пренебрежительной усталостью.

Она отпустила Димку, поднялась, демонстрируя идеальную фигуру, и, вальяжно раскачивая бёдрами, подняла платье, валявшееся на полу.

И я, и Димка заворожённо наблюдали за ней. Её спокойствие сводило меня с ума и гипнотизировало, не позволяя здраво рассуждать. Она облачилась в узкое чёрное платье и прошла к Димке.

– Помоги мне, – мягко, но с чётким приказом сказала она. Когда он подчинился и застегнул молнию, она отбросила чёрные волосы, словно была моделью из рекламы. – Маш, прикрой рот, – сказала она и прицокнула, имитируя звук сведения челюсти.

– Ты! Да ты! – Слова застревали в горле, давили и душили, лишая меня кислорода. Тяжесть разливалась по груди. – Да ты... – промямлила я и опустила взгляд.

У меня не было слов, чтобы выразить, что чувствовала, что разрывало меня на части, уничтожало душу и потрошило её. Наша дружба... Как она могла для неё ничего не значить? Как всё могло так произойти? Она вообще ничего не чувствовала? Что за ведьма скрывалась под личиной моей подруги?

Перед глазами замелькали тёплые моменты нашей дружбы: игры, встречи, разговоры, прогулки, совместные поездки – калейдоскоп целой жизни, яркой и восхитительной. Но теперь эти воспоминания давили меня, словно были бетонной плитой, под которую меня закатали. Больно... Обидно... А главное – за что мне всё это?

Я бросила взгляд на Димку. Он очарованно смотрел на Диану, словно к нему сошла богиня из римского пантеона. Сейчас она сильнее всего была похожа на охотницу, которая поймала в свои сети лёгкую добычу. Но кем же для неё была я?

– Диана, – пролепетала я несуразно, нечленораздельно.

Она быстро прошла ко мне, улыбнулась и сказала:

– Вам надо поговорить. – Диана подмигнула и скрылась за дверью, оглушительно хлопнув ею.

Глава 5

Когда Диана ушла, мы оба опустили взгляды, боясь посмотреть друг другу в глаза. Не знаю, но почему-то ощущалось, что я сильно в чём-то виновата, но не могла понять в чём.

– Дим, – позвала я, – почему?.. – Слёзы вырвались из глаз, и я не смогла ничего спросить.

Обычно Димка сразу же подбегал ко мне, крутился, не зная, как ко мне подступиться, причитал, чтобы не плакала, протягивал руки, заключал в объятия, и тогда я самозабвенно рыдала у него на груди, пока окончательно не успокаивалась, а тревоги и обиды отступали как по волшебству. Но сейчас он даже не посмотрел на меня, поднялся с постели, прикрываясь, словно я чего-то там не видела, схватил трусы и принялся одеваться, придерживая одеяло. Он ругался, потому что не мог справиться, а я беззвучно плакала, рыдания застревали в горле, а слёзы непроизвольно текли, но с каждой минутой их источник иссушался, словно во мне всё умирало.

– Дим. Дима...

– Я уже двадцать восемь лет Дима, – бросил он зло и наконец-то посмотрел на меня. – Чего надо?

– Надо? – Я засмеялась, нервно, не веря, что человек, которого я любила почти семь лет, может так со мной обращаться. – Это всё, что ты можешь сказать?

– А что тебе надо? Объяснений? – он оскалился, продолжая смотреть на меня. – Ты душила и себя, и меня. Все эти: я должна помочь, как же я могу отказать, – он передразнивал, выставляя меня жалкой и несуральной, – давай войдём в их положение... – Он сплюнул. – Гадость. Тебе самой не надоело прятаться за этим?

– Но ты же сам такой... Всем помогаешь. Разве нет? – Сглотнула, горло пересохло.

– Разве нет. – Он вновь противно передразнил меня. – Ты слишком правильная для меня. А вот Ди, – его голос изменился, наполнившись восхищением и вожелением, – она другая. С ней я летаю, дышу. Она классная. Сексуальная... Мы такое вытворили...

– Я не хочу это слышать. – Но в голове всё равно замерцали картинки их акробатики. Чтобы отвлечься и не представлять, как Диана самозабвенно скакала на моём женихе, выгибаясь ему навстречу, спросила: – И давно?

– А как ты думаешь? – Он подбоченился, выгнул грудь колесом, словно то, что он долго меня обманывал, было предметом его гордости.

– До помолвки? – прошептала я. Теперь поняла, что не хотела знать. Вообще ничего. Зачем все эти детали? Чтобы расковырять рану так глубоко, не оставив ей даже возможности зарости. Нет, я хочу, чтобы она покрылась мало-мальской коркой, за которой я бы спрятала навсегда своё сердце и больше никому его не доверила.

– А есть разница? – Ещё одна ухмылка. – Ты жалкая. Недостойная моей любви... Как я этого не замечал? Ди считает, что ты немного, – он покрутил у виска, – того... Тебе лечиться надо.

– И почему мы не расстались? – голос дрожал, как и всё тело. – Если тебе всё надоело... Если я не подхожу? Зачем обманывать? Зачем играть у меня за спиной? Люди же расстаются, любовь проходит. – Слёзы вновь хлынули новым потоком, который я была не в силах сдержать. – Проходит... Но не надо же поступать по-скотски. Это низко...

– Снова-здорово. Опять про порядочность. – Он вновь сплюнул и прошёл медленно ко мне. – Ипотека. Теперь понятнее?

– Ипотека? – Я сглотнула и подняла на него заплаканные глаза. – Тебе нужны были мои деньги?

– А что ещё ты могла дать? Ты умоляла меня о любви, и я дарил её тебе...

– Пока Диана тебе не дала? – Я зло усмехнулась и утёрла слёзы.

– Это другое... Тебе не понять.

– Я вообще уже ничего не понимаю, – схватилась за голову. – Наверное, это сон. Или я брежу.

– Это реальность, – бросил Дима. – Смирись...

– Значит, ипотека... И что ты, – я нахмурилась, пыталась уловить смысл, выстроить цепочку в голове, но вся логика рассыпалась под моим горем. – Когда ты собирался признаться?

– Когда погасили бы.

– Погасили бы...

Я прикусила нижнюю губу и уставилась в его наглое лицо, в котором я всё равно видела отголоски того влюблённого взгляда, которым он одаривал меня в универе. Тогда Димка так мило предложил встречаться, что я растаяла и наконец-то почувствовала себя особенной. Отражаясь в его восхищённых глазах, я чувствовала, что живу полную жизнь. С того момента у меня появились крылья, я парила, справлялась с невзгодами, добивалась целей, потому что знала, что есть тот, кто меня обожает, кто не бросит... А теперь эти крылья обломали... Нет, их отрезали тупым ножом и оставили кровоточить, наблюдая, как я буду медленно угасать. Они убили меня.

Я прикрыла рот рукой. Димка, красивый и злой, смотрел на меня безучастно, словно я была жалким жуком, за которым наблюдаешь, пока не надоест. У него был взгляд трудного ребёнка-психопата, готового отрывать лапки у насекомого по одной, просто из интереса, чтобы узнать, что с ним будет...

– Можешь пожить здесь, – сказал он, – пока не найдёшь квартиру. Мы с Ди это обсудили.

– Обсудили? – Я взорвалась. – Обсудили? Это моя квартира...

– По документам – нет. – Он хмыкнул. – Она – моя. И это имущество, нажитое до брака.

– Я буду это оспаривать... Я платила! А вы мошенники!

– Попробуй. Судебные издержки тебя доконают... – Он хмыкнул. – Хотя... что-то не верится, что ты не уступишь. Ты же у нас хорошая. Правильная.

Димка загоготал, и это ещё раз разбило моё сердце на мелкие осколки. Каждый виток разговора перемалывал моё сердце, превращая его в пыль. Я не могла больше находиться рядом с Димкой, слушать его и понимать, что жила в собственной сказке... Нет... Не сейчас. Хватит! Мне нужно к маме. К маме, которая пожалеет, обнимет, погладит по голове и прижмёт к себе крепко-крепко. Мама. Мамочка!

Я вылетела из спальни и наткнулась на Диану, которая сидела на диване, положив ногу на ногу, и скучаяще осматривала идеальный маникюр. Она окинула меня оценивающим взглядом, которым всегда безошибочно могла угадать моё состояние. Мы были одним целым... Сёстрами. Я верила ей, любила, доверяла, а она...

– Я сделала тебе одолжение, – протянула Диана. – Вы с ним не пара. Если бы не со мной, то он бы изменил с другой...

– А вы, значит, пара? – вскрикнула я и подбежала к ней. – Пара?

Я нависла над ней, но не чувствовала превосходства, Диана была хозяйкой в моей гостиной, и я ничего не могла противопоставить ей. В этот момент я ощущала себя жалкой, крошечной и никчёмной, пока взрослые учили меня уму-разуму. На лице Дианы вспыхнула очаровательная улыбка, которую она дарила мне, когда хотела в чём-то убедить, а я как дура всегда поддавалась и уступала. Всегда. Каждый долбаный раз. Я пыталась быть мудрее и взрослее, пока остальные вили из меня верёвки. Я бросила взгляд на изящную и тонкую шею Дианы и ощутила жгучее желание сомкнуть на ней пальцы, чтобы придушить эту суку, которая разрушила мою жизнь.

– Ты сама во всё виновата, – озвучила она мои потаённые мысли. – Сама позволяла с собой так обращаться. Если бы ты любила себя, то...

– Ты была мне семьёй.

– Маш, ну какая семья? – Она хмыкнула и поправила волосы. Идеальная кукла посреди моей гостиной, но у куклы в безмолвных глазах даже больше сочувствия, а это гарпия, пожирающая моё сердце и душу.

– Но почему? Почему ты это сделала? Скажи мне!

Диана хитро улыбнулась, покачала головой и развела руками, пока я жадно ловила каждый её жест. Она наслаждалась чувством превосходства, словно моя никчёмность должна была подсветить её великолепие. Что за глупая драма?

Мы продолжали пялиться друг на друга, и между нами медленно разверзалась пропасть, которая поглощала все совместные годы, всё хорошее, что было между нами, словно всё было не больше, чем мусор, ничего не значащий мусор.

Пелена слёз застилала мне глаза, я с трудом дышала. Казалось, что умираю. Поэтому не заметила, как в гостиной появился Димка. Он присел рядом с Дианой и обнял её. Она нежно прижалась к нему, и я наконец-то увидела то, о чём они говорили. В этой гостиной, тщательно обставленной с помощью Дианы, на диване, выбранном ею, они выглядели идеальной парой, сошедшей из ленты соцсетей. Мне не было места в их идеальном мире. Никогда не было.

Я развернулась и направилась к выходу, не в силах больше здесь находиться.

– Это для твоего блага. Просто пойми это, – бросила Диана, когда я натягивала кроссовки.

– Как благородно, – едко ответила я и застегнула плащ.

Отворила дверь и была готова уйти, но Диана остановила меня:

– Надеюсь, – сказала она, и я повернулась, застыв в ожидании, – мы останемся друзьями.

Под эти ядовитые слова и хлюпающий звук страстных поцелуев я вылетела из квартиры, веря, что вдали от них могла хотя бы осознать, что вообще со мной произошло.

Глава 6

Под ладонями я ощутила холод, исходящий от каменного пола. Я распахнула глаза и поняла, что лежу на соломенном матрасе в тюремной камере. Взгляд скользнул вниз и упёрся в нарядное изумрудное платье, которое словно сошло со страниц любовного фэнтезийного романа в условном средневековье. Я тяжело вздохнула. Значит, всё, что произошло на балу, было правдой. Приподнялась на локтях и уселась, стараясь удержаться от взрыва хохота. Меня заключили под стражу, как будто я была самой опасной преступницей, хотя до этого оказалась жертвой манипуляций своей лучшей подруги и жениха. Размяла шею, сделав несколько поворотов головы вправо и влево, и устала перед собой. Было ли это реальностью? Или я всё ещё брежу после аварии, в которую попала по нелепой случайности? В голове пронеслась последняя мысль, которая вспыхнула, перед тем, как всё погасло: «Я была на пешеходке. Водитель – козёл».

Смех разнёсся по камере, и я не могла остановиться. Конечно, наконец-то хоть в чём-то в тот треклятый день я была права. И мою правоту докажут в суде, когда дадут ему срок... Но жизнь это мне не вернёт. Я застыла и поморгала, смутно надеясь, что сейчас что-то засверкает, зашипит и морок спадёт, возвращая меня в Москву. В мою жизнь. Жалкую, но мою. Я хмыкнула, вспоминая, что случилось на балу, и новый приступ смеха сковал меня. Угораздило же попасть в любимый роман Дианы! Ещё и в момент, когда уже явно ничего не изменить. Корнелия, как первоклассная злодейка, дошла до ручки, а идеальная героиня торжествует. Противно до зубовного скрежета.

Я повернула голову и замерла. Несколько раз моргнула, пытаясь убедиться, что то, что я вижу, настоящее. Оно и не думало исчезать. Я подалась чуть вперёд и дотронулась до кролика, сидящего у моих ног.

– Кто право давал тебе меня трогать? – сказал он низким басом, от которого я резко дёрнулась, отнимая руку. – Никаких манер.

Он быстро забрался ко мне на колени и вперился взглядом карих глаз. Его маленький нос принюхался, словно он что-то хотел отыскать во мне. А я пока осознавала, что на мне сидит говорящий кролик – довольно тяжёлый, как порядочный домашний кот, которого хозяйка раскормила, – с приятной тёмно-коричневой шерстью.

– Не понимаю, – заключил он и уставился на меня своими умными глазами. – Совершенно не понимаю!

– Я тоже, – призналась я, внимательно рассматривая его. У него была гладкая и шелковистая шёрстка, которая так и просилась, чтобы её погладили, но умильнее выглядел белый хвостик, настороженно торчащий. – Я тоже, кролик.

– Кролик? – Он взвизгнул и подскочил на моих коленях. – Ты сказала «кролик»? – Теперь его голос наполнился испугом, который он не собирался скрывать. – Не может быть! Что же делается? Ты не Корнелия верно?

– Корнелия?

– У тебя её тело, но не душа, – он вздохнул, – её больше здесь нет. Кошмар! Морковки небесные! – Он вновь взвизгнул. – Я даже ругаюсь, как зайцы.

– Так ты заяц? Не кролик? Это меняет дело.

– Я дух-хранитель! – Он выставил пушистую грудку и наполнился самодовольным бахвальством. – Оберегал Корнелию.

– Плохо оберегал.

– А у тебя жалкая душонка, – он огрызнулся и спрыгнул с моих коленей. – С ней я был опасным хищником.

– И кем же? Волком?

– Котом. Но большим! С длинным хвостом, клыками и когтями... Я был очень грозным, а теперь заяц.

– Так у меня душа зайца. Это даже... логично.

– Видимо. – Он вздохнул и прикрыл глаза.

– И что? – Я махнула рукой, очерчивая дугу перед собой. – Это всё настоящее? Теперь я Корнелия Эшблум, заключённая в темнице?

– Ага.

– И здесь у всех есть духи-хранители?

– Нет. – Он смотрел куда-то вдаль, полностью погружённый в свои мысли. Даже собственный хранитель не хотел говорить со мной. Обидно. Слишком много обид на квадратный метр.

– Но зачем тебе охранять меня?

– Хотел бы я знать, – вспыхнул он. – Ты не понимаешь...

– Это точно.

– Как мне быть таким? Как охранять тебя? Ты пришла... появилась... Как ты здесь оказалась? Что мне делать? Морковки небесные! А-а-а! – Он попытался зашипеть на манер ощерившейся кошки, но получилось что-то странное, что разозлило его ещё больше, и заяц закатил театрально глаза. Его можно было понять.

– Думаю, это ненадолго, – решила подбодрить его и пожала плечами, и он наконец-то по-настоящему посмотрел на меня.

– Почему? – В голосе звучал испуг, который тут же передался и мне.

– Меня собираются казнить... Я полагаю...

– И я провалюсь? – Он вперился в меня своими глазами и задёргал носиком. Выглядело забавно и мило, хотя он точно хотел выглядеть грозно. – Ну уж нет, Корнелия.

– А почему бы и не провалиться? Успех переоценён... – Я вновь пожала плечами. – В следующий раз тебе повезёт с подопечным. Наверное... – Не знаю, почему пыталась его успокоить, видимо, прорывалась моя натура, привыкшая в первую очередь заботиться о других... И к чему меня это привело?

– Нет.

Он вновь запрыгнул мне на колени и резко повалил на матрас. Заяц прополз мне на грудь и устался в глаза, чтобы я воспринимала его всерьёз.

– Нет, – грозно повторил он. – Если ты умрёшь несчастной, обиженной, обозлённой, израненной, – он так точно описывал моё состояние, что на глаза вновь навернулись слёзы. – Тогда я буду влачить существование в каком-нибудь дереве или камне! Ты очень несчастна. Тебе рано умирать...

– Не повезло тебе... – Я вздохнула, он, как и все в этой жизни, переживал о себе. На что я надеялась?

– Вот не надо. – Заяц покачал головой и с укоризной посмотрел на меня. – Мы связаны. Уясни это... Я постараюсь помочь.

– И как ты сможешь, если меня хотят казнить? Я злодейка этого романа.

– Романа? – он нахмурился. – Типа книжки? Верно?

– Что-то вроде того...

– Это не роман, это твоя новая жизнь...

– Которая какая-то невыносимая...

– Всё в твоих руках.

– Но карты паршивые.

– Ах! – Заяц вздохнул, закатил глаза и покачал головой. – Книга, считай, что это могло быть подсказкой. Воспользуйся знаниями!

– Но если у меня нет сил? – Он хотел закатить глаза, но я поспешно добавила: – Я могу вернуться домой?

- Нет, не можешь.
- А что с настоящей Корнелией?
- Она умерла.
- Но как?

– Не знаю. Отказалась бороться, и появилась ты вместо неё. – Заяц вздохнул и покачал головой. – Я не смог её уберечь. Она слишком любила этого болвана.

– Это ужасно. – Я сглотнула, а по спине побежали мурашки. Печальный конец для печальной злодейки. Мне стало не по себе, поэтому я сменила тему: – Но почему я не могу вернуться домой?

- Потому что ты тоже умерла.
- Умерла.

Моя жизнь в моём реальном мире закончилась. Так жалко и несуразно: сбил какой-то лихач, а сердце разбилось вдребезги... Моя мама... Это её убьёт. А хуже всего, что Димка и Диана будут играть идеальных скорбящих, а потом спустя какое-то время объявят, что сошлись на почве общего горя, и на своей лживой помпезной свадьбе вспомнят меня... если вспомнят... и скажут, что благодарны мне за всё. Сцены так живо промелькнули в голове, обида, гнев, боль и гнетущее чувство тотальной несправедливости сплелись в такой водоворот, который был готов меня унести куда подальше. И я теперь точно не в Канзасе...

– Мне жаль, – сказал заяц, вырывая меня из моих мрачных и детальных мыслей. Он смотрел так внимательно, вглядываясь в мою душу, и точно всё понимал. Хоть кто-то понимал меня до конца. – Тебя предали... Это больно... Но что-то дало второй шанс. И тебе, и мне. Воспользуйся им.

- Чтобы отомстить?

Я засмеялась, представив себя в роли злодейки-мстительницы. С моей удачей это опять бы кончилось на эшафоте... Но я была бы эффектной, но типичной злодейкой – с рыжими волосами, отливающими медью, и яркими зелёными глазами, напоминающими изумруды. Глупое сравнение из глупого романа глупой Дианы. Я слишком хорошо запомнила внешность оригинальной Корнелии, которая походила на мою: светло-зелёные глаза и рыжие волосы, когда я не красила их в угоду Димке, чтобы, как теперь понимала, походить на его желанную Диану.

- Если захочешь, но... на твоём месте... я выбрал бы жизнь.
- Где я прощаю всех и наступаю снова себе на горло?
- Почему же? – Он хмыкнул. – Это второй шанс, живи как хочешь. Только живи.
- Чтобы ты не стал камнем. Ага. Я тебя раскусила...

– Мы оба будем в выигрыше, Корнелия. Я помогу тебе, расскажу, что знаю. Подскажу. – Он посмотрел умоляюще на меня. – Считай это взаимовыгодным сотрудничеством.

- А если я не справлюсь?
- Хотя бы постарайся. Можешь это обещать?

Я задумалась. Что я теряла, если попытаюсь хоть немного изменить сюжет романа? Нет, конечно, я понимала, что этот вспльчивый и очень хитрый заяц использует меня, чтобы получить не сломленную душу перед смертью, а жаждущую жизни, но он был прав. Умереть без борьбы было легко, почему бы не попробовать наконец-то что-то изменить в себе, хоть немного. Стать не удобной и хорошей для всех, а послать наконец-то всё к чертям. И просто насладиться жизнью, хотя бы раз. Ведь что я видела за свои двадцать восемь лет? Сплошной долг, обязательства и прочее, прочее. Я думала, что строю жизнь для нас с Димкой, а оказалось для него и Дианы. Хватит размышлять. Просто попробуй.

– Постараться? Могу. – Я выдавила из себя улыбку. – Меня зовут Маша. – Я на мгновение задумалась и приняла решение. – Зови меня Корнелией. Это имя больше подойдёт для новой жизни. – Заяц довольно кивнул, его радовал мой настрой. Я вновь улыбнулась, мысленно при-

меряя изящное и сильное, как мне хотелось верить, имя. Корнелия точно не будет страдать, как какая-то Маша из Москвы. Хотя оригиналу это не помогло... – А тебя как зовут?

– Трунвальд, лесной дух-хранитель. Рад познакомиться. – Он кивнул и чуть откинулся на задние лапы, приветствуя меня.

– Я тоже, Трунвальд. – Я на мгновение задумалась, и меня осенило: – Буду звать тебя Труней. Так короче.

– Что? Это возмутительно, Корнелия! – Его щёки надулись, придавая ему сходство с меховым шаром. – Корнелия...

Он не успел развить свою мысль, как раздались шаги по коридору, и Труня исчез, оставляя меня наедине с неизвестностью.

Глава 7

Из тёмного коридора подземелья перед решёткой моей камеры появилась Серена. Она была в том же бальном платье, а сверху был накинут серый плащ с капюшоном, который должен был скрыть её нежно-розовые волосы. Я усмехнулась, понимая, насколько глупо выглядела её попытка скрыть свою внешность. Да всё королевство знало, что она единственная обладательница столь необычных волос.

– Что смешного? – резко спросила Серена, уставившись на меня. Из её голоса пропала вся нежность и хрупкость, которую я отметила ещё на балу. Наша героиня тоже не была безупречной. Она поджала губы, выпрямилась, стянула капюшон и добавила: – Что тебя рассмешило? – Уже мягко и мило, что больше ей соответствовало.

– Ваша попытка, – решила быть вежливой, вдруг это польстит ей, и она передумает отправлять меня на эшафот, – скрыть личность.

– Что? – Она нахмурилась, сведя тонкие брови к переносице. – Тебя это смешит, Корнелия?

– Да... В этом рома... королевстве только у вас, Серена, розовые волосы, а капюшон не особо их скрывает.

– Только у меня, – повторила она, опустив взгляд и глубоко задумавшись.

Конечно, я не хотела вводить главную героиню в кризис идентичности или чёрт знает, чего ещё, но у меня получилось. Серена прикусывала нижнюю губу и быстро перебирала пальцы, скрестив их в замок, словно решала какую-то рабочую задачу. На мгновение это напомнило Диану, но та всегда одёргивала себя, считая, что такое проявление чувств, неприемлемо. Я продолжала рассматривать Серену, пока она размышляла, заодно мне очень хотелось понять – глупое чувство, знаю, – почему Диана так обожала её. Да, Серена была красива, миловидна, даже идеальна: ни одного изъяна на коже, ни одной родинки, в отличие от Корнелии, которая выводила веснушки с помощью сока белладонны – брух, какой кошмар. Мысль быстро осеклась, и я вспомнила, что сама удалила свои, потому что, по словам Димки, они не сочетались с моим образом зеленоглазой брюнетки с фарфоровой кожей. М-да. Решено! Если я выберусь, то приму в Корнелии даже пресловутые веснушки и плевать на всех и всё. Ведь до встречи с Димкой мне нравились свои.

Молчание между нами затянулось. По тексту романа Серена отличалась живым умом, который щёлкал как орешки все козни Корнелии, давал глубокие и дельные советы, подбирал остроумные фразы и вообще... был идеальным. Естественно. Но здесь Серена тупила, и мне это порядком надоело.

– Зачем вы пришли? – спросила я. Она дёрнулась, словно не ожидала, что я вообще с ней заговорю, и уставилась на меня, как будто видела в первый раз. – Вы что-то хотели, Серена? Позлорадствовать перед казнью?

– Сначала будет суд, – холодно сказала она, но сразу же одёрнула себя, добавив голосу живости и участия. – Мне так больно, что ты довела себя до такого, Корнелия.

– Довела? А не вы ли, Серена, домогались моего жениха и соблазнили его? Наша помолвка не была расторгнута, – звучало достаточно чопорно, хотя внутри меня клокотала ярость – я вновь вспомнила голых Диану и Димку, – но я сдерживалась, понимая, что Серена – это не Диана, а значит, я не должна выплёскивать на неё свои чувства.

– Опять ты сдерживаешься, – сказал Труня, появившись рядом со мной. – Будь собой...

– Вы его видите? – спросила я резко у Серены и махнула в сторону Труни.

Она посмотрела прямо на него, поджала губы и скривилась. Весь взгляд так и кричал, что она ничего не видит, а я схожу с ума.

– Меня видят только те, кому ты доверяешь, – заметил Труня и усмехнулся.

Мы подумали об одном и том же. Сейчас я не доверяла никому.

– Не понимаю, – сказала Серена, уставившись на меня. – Что-то не так с тобой, верно?

– Верно. Обезумела от осознания, что скоро умру. – Я выдавила улыбку, от которой Серена отшатнулась. Её большие глаза уставились на меня, словно она только сейчас поняла, что следовало за судом.

– Казнь... Верно... – Серена сглотнула.

– Зачем вы пришли? Раскрыть душу? Или ждёте, что я покаюсь?

– А разве нет? – Она скрестила руки на груди, её замешательство сменилось назидательностью и превосходством. – Ты заморочила голову Эрику...

Эрик. Точно! Так звали местного короля, за которым бегала несчастная Корнелия. Король Эрик... Странно, что Серену в этом романе не назвали Ариэль, а меня Урсулой... хотя это не отвечало сюжету, но было бы уморительно. Я вновь усмехнулась, и это вновь разозлило Серену.

– Он был моим женихом, – с деланным спокойствием сказала я. – Мы помолвлены с детства, а вы вмешались...

– Он не любил тебя. Никогда не любил, а был вынужден терпеть ради цели.

– Цели? И какая у него была цель? – Вспомнился Димка с его целью занять квартиру за мой счёт, а Эрик был таким же? Или сказочный принц обладал принципами?

– Он преследовал мир в королевстве, и короне нужны были деньги...

– Деньги. – Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться... не заржать в голос. Судьба или провидение... или какие высшие силы решили так измываться надо мной, но я вновь оказалась в той же ситуации, мне даже не нужно было представлять и сочувствовать Корнелии, я слишком хорошо знала, что она чувствовала. – Деньги-деньги, дребеденьги. Ясно... И как решили проблему с ними?

– Твоя мать отдала приданое, надеюсь, что это поможет получить тебе снисхождение.

– А поможет? – Я уставилась в её глаза, которые в свете факела потемнели.

Серена неопределённо пожала плечами, а я вздохнула. Взгляд упал на Труню, но он спокойно сидел и наблюдал за нами, ничего не выражая.

– Раз проблема решена, то можно меня отпустить?

– Ты хотела меня отравить! – сказала она и притихла, словно бросила фразу и принялась выжидать, как заправский кукловод. Для идеальной главной героини она действовала как интриганка.

– А это разве доказано? – Я поднялась на ноги и скрестила руки на груди. Да, меня обвинили посреди бала в попытке отравления, но точно ли она была? – Суд ещё не прошёл, я должна бороться.

– Там тебя осудят. Это точно, Корнелия.

– Дело уже решённое? Без суда и следствия... Ну, и нравы в этом королевстве.

– Что с тобой, Корнелия? – Серена впилась в меня внимательным взглядом и прищурилась. – Может быть, ты одержима?

– А это возможно? – обратилась я к Труне, а он дёрнул своим носом и отвёл взгляд. Ещё помощником называется.

– Мало ли на какую сделку с духом ты пошла. Может быть, это был тёмный дух... Ты же ведьма!

– И что вам известно про духов?

– Что? – Серена замешкалась на мгновение, а потом вскрикнула: – Ты ведьма! Самая настоящая!

– Точно. Ведьма юга. – Я хмыкнула. – Зачем вы пришли, Серена?

– Посмотреть на твоё раскаяние.

– Раскаяние? Я ничего не сделала. Совсем ничего...

– А вот и нет. – Она топнула ногой и схватилась за решётку, навалившись на неё. Это удивило меня, но я не отпрянула, продолжила наблюдать за ней. – Я спасла Эрика, потому что ты ему не подходила. Ему нужна была идеальная и блистательная невеста, а не ты, Корнелия.

– А вы идеальная? – Я вздёрнула бровь, ощутив прилив сочувствия. Даже в такой ситуации я продолжала сочувствовать.

– Конечно! Идеальнее не бывает.

– Должно быть, это выматывает.

Серена застыла, её нижняя губа задрожала, и вновь повисло гнетущее молчание. На мгновение мне показалось, что внутри Серены что-то треснуло, но это был столь незначительный миг, что она сама не успела его осознать. Она вновь натянула маску приветливости, тошнотворной и подчёркнуто доброжелательной, и уставилась на меня, лучезарно улыбаясь:

– Тебе не понять. Ты же злодейка...

– Ну да, теперь я злодейка, – с нажимом сказала я, привыкая к этой мысли. Она была даже освобождающей, если я уже злодейка в этой истории, то стараться могу только для себя, не пытаюсь соответствовать чьим-то ожиданиям. Это раскрепощало и придавало сил. – Что-то ещё? Я прошу прощения, что любила своего жениха. Вы это хотите услышать?

– Ты решила подчиниться. – Её глаза довольно блеснули. – Сыграть роль...

– Скорее отказаться от того, что мне не нужно. Не хочу искать любви у того, кто меня не ценит.

– Вот как. – Она подавила усмешку, но в глазах блеснул недобрый огонёк. Как бы Серена ни хотела казаться идеальной, даже её, героиню романа, это выматывало. – Ты же боишься, если тебя не будут любить...

– Все боятся. Все хотят любви.

– А чего хочешь ты?

– Жить.

– Ясно. – Она облизнула губы, натянула капюшон и, не попрощавшись, ушла.

Стук её каблучков ещё долго раздавался по коридору, пока я пыталась найти хоть единое зерно логики в этой сцене. Серена была персонажем романа, значит, действовала, как персонаж. Но какая у неё была цель? Чего добивалась?

– Перестань думать, что это роман, – заметил Труня. – Теперь это твоя новая жизнь. Прими её.

– Пытаюсь. – Я развела руками. До сих пор верилось с трудом, но я обещала ему, что постараюсь.

Вернулась к матрасу, передвинула его к стене и уселась, облокотившись на стену. Не знаю, испортила ли я ещё больше отношения с Сереной, но хотя бы попыталась что-то сделать. Я вздохнула и прикрыла глаза, ожидая суда.

Глава 8

Сказочный суд действительно оказался сказочным, как бы убого со стороны это ни звучало. Меня привели... Нет, притащили на главную площадь столицы, где был сооружён эшафот, заволокли на него и толкнули с нескрываемым садистским наслаждением, чтобы я предстала на коленях перед королём Эриком и его новой невестой, наблюдающими с балкона королевского дворца. Места в первом ряду. Я прекрасно могла рассмотреть их, как и они меня. Всё было сделано так, чтобы королевская чета могла вести суд, наблюдать и выносить приговор, но никто из зевак, столпившихся вокруг эшафота, не мог бы добраться до них. Неужели сказочные правители, так боялись собственного народа? Или это тёмная сказка?

Я бросила взгляд на гильотину, которая определённо была анахронизмом, если бы мы имели дело с серьёзным фэнтези, но я попала в волшебную сказку, и значит, всё здесь было возможно.

– Отличный настрой, – ободряюще бросил Труня. Я пыталась понять искренен он или говорит с сарказмом, и на это он вновь закатил глаза. – Я читаю твои мысли, – добавил он, многое этим объясняя.

Великолепно. У меня есть помощник, который ковыряется в моей голове. С другой стороны, у кого в современном мире не обитают голоса в голове? Ну там, внутренний критик, самозванец и прочие тараканы... Труня хотя бы был реальным... Насколько в моей ситуации вообще можно было рассуждать о реальности.

На лезвие гильотины упал солнечный луч, который преломился и попал ровно мне в глаз. Если это не знак свыше, что мне хана, то я вообще ничего не понимаю в знаках.

– Ты обещала, – повторил Труня. – Соберись!

Я улыбнулась ему и подняла взгляд на Эрика и Серену, которые сидели на двух богато украшенных стульях – ещё не трон, но уже что-то похожее. Эрик смотрел на меня с нескрываемой ненавистью, на нём был чёрный костюм, который, видимо, должен был подчеркнуть серьёзность происходящего. Серена же была в тёмно-фиолетовом платье, а лицо пряталось за вуалью, придавая ей таинственный вид. Пусть ещё скажет, что она плакала за ней над судьбой ужасной злодейки.

Глашатай прошёл по эшафоту, остановился на краю платформы и несколько раз ударил посохом, призывая собравшуюся толпу зевак к порядку. Громогласно он возвестил начало суда. Я снова повернулась к гильотине и хмыкнула – она кричала, что всё уже решено.

– Не сдавайся, – ворчливо добавил Труня и бросил на меня такой грозный взгляд, что казалось, если бы он мог, то отхлестал бы меня своими лапами. – Доболтаешься, и лягну задними ногами – это больно. Я знаю... Меня как-то ударил один заяц. – Он вновь дёрнул носом. Воспоминание было не из приятных.

– Корнелия Эшблум, – сказал Эрик, холодно и презрительно, – ты обвиняешься в помысле отравить Серену Фэйрлайт.

– В помысле? То есть я даже не попыталась её отравить? – спросила я, выражая всё негодование, что сковало меня. По толпе пробежал шепоток.

– Именно! В помысле. – Эрик кивнул, а я еле удержалась, чтобы не закатить глаза, но это сделал за меня Труня. – На балу, когда я отказался с тобой танцевать, ты крикнула, что лучше бы отравила Серену. Ты уже забыла?

– Лучше бы. Это было намерение, – с усмешкой сказала я, неотрывно смотря в его глаза. Если это всё, что мне вменяли, то у меня был шанс. – Я ничего не сделала.

– Ты могла наложить на неё проклятие, – рявкнул Эрик и вскочил на ноги. – Ты же ведьма!

– Проклятие. Правда? – спросила я, скорее обращаясь к Труне.

– В этом мире действуют проклятия, если сердце охвачено очень сильными и злыми чувствами, которые возникли после большого предательства или разбитого сердца, – сказал Труня.

Так вот как проявлялась сила любви в этом мире, она позволяла отомстить молниеносно обидчику.

– Всё чуть сложнее, – заметил Труня. – Но в целом ты поняла.

– Правда! – вскрикнул Эрик, прожигая меня взглядом.

– Но не прокляла же, – заметила я и перевела взгляд на Серену, на лице которой я заметила лёгкую улыбку. Хотя вуаль могла и обманывать. – Что мне сделать, чтобы вы, ваше величество, поверили мне?

– Как я могу поверить тебе, злодейке! – бросил он. Видимо, мы собирались ходить по кругу. И что же делать?

– Я могу поклясться, что больше никогда не приближусь к Серене. Уеду в графство и буду тихо-мирно существовать там. – Звучало шикарно, сбежать с главной сцены и жить в графстве с мамой Корнелии. Она явно любила её, раз отдала приданое, чтобы спасти от гибели.

– Нет, – сказал Эрик. – Ты одержима любовью ко мне. Это так просто не пройдёт.

– А излечит меня отсечённая голова? – бросила я, не скрывая ухмылки. – Разве это не слишком жестоко, ваше величество? – Я повернула голову к Серене, которая тут же подалась вперёд, явно ожидая, что я буду умолять. Нет, умолять я не буду. Не надейся. – Серена, – сказала я довольно спокойно, – вы же хотите быть милосердной королевой, которую будет любить народ. Так покажите, что даже такие прожжённые души, как я, достойны второго шанса.

– Палач, заткни её грязный рот и свяжи руки, – приказал Эрик.

Палач оказался слишком прытким. Я даже не заметила, откуда он появился, но он схватил меня, связал и запихал кляп в рот – какую-то грязную тряпку, пропитанную чем-то кислым. Нет... Я совсем не хотела думать о ней, но мысль, что если я выживу, то умру от какой-то болезни, не покидала меня. Это было до тошноты, и с подступающим приступом я боролась всеми оставшимися силами.

Эрик же наконец-то успокоился, поправил корону, которая чуть слетела, пока он в сердцах возмущался моей наглости, и выпрямился на стуле-троне.

– Ой, – бросил Труня и клацнул челюстью. – Больно.

Он внимательно посмотрел на меня, а я не поняла, то ли он сочувствовал мне и моей борьбе с тряпкой, то ли сам ощущал эту гадость.

– Мои клыки! Они растут, – сказал он так, словно это должно было мне что-то объяснить. Мысленно я поздравила его с этим, на что получила очередные закатившиеся глаза.

– Итак, – сказал уже спокойнее Эрик, а я продолжала наблюдать за Сереной, которая не проронила ни единого слова. Она замерла, выжидая, или мне хотелось, чтобы так было. Ведь единственный козырь, который я отыскала в этой абсурдной ситуации, – это её непомерная тяга к образу идеальной непогрешимой героини. Чем-то она напомнила мне Диану, ведь та тоже мечтала быть идеальной. – Итак, Корнелия Эшблум, ты приговариваешься к смертной казни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.